

Посвящается моему дедушке.

Расскажи мне какую-нибудь небывлицу.

ГРИШИЙ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ
ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ
(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ
ИНФЕРНЫ
ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ
(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ
АЛКЕМЫ

Прислуга называла их «маленечками» — крошечными привидениями. Во-первых, они были самыми юными и низкорослыми в доме князя. Во-вторых, шныряли по поместью, как хохочущие фантомы, прячась в тумбочках, чтобы подслушать чужие разговоры, или крадясь на кухню, чтобы стащить последние в этом сезоне персики.

Мальчика и девочку привезли в поместье с разницей в неделю. Очередные сироты, жертвы приграничных войн, беженцы с чумазыми от грязи и копоти лицами, найденные в руинах ближайших городков. Их отправили в поместье князя, чтобы обучить грамоте и какому-нибудь ремеслу.

Мальчик был невысокий и коренастый, с его лица не сходила застенчивая улыбка. Девочка же была совсем другой и знала это. Как-то, спрятавшись в кухонном буфете, чтобы подслушать,

о чем сплетничают взрослые, она услышала, как экономка князя, Ана Куя, проворчала:

— Маленькая уродина! Бледная и кислая, как стакан свернувшегося молока. Дети не должны так выглядеть.

— А какая она тощая! — поддакнула повариха. — Девчонка никогда не доедает свой ужин.

Скорчившийся рядом с девочкой мальчик прошептал:

— Почему ты не ешь?

— Потому что земля и то вкуснее, чем еестряпня.

— А мне нравится.

— Конечно, ты ешь все подряд!

Они вновь прижали уши к щели между дверцами шкафа. Через мгновение мальчик добавил:

— Я не считаю тебя уродиной.

— Тс-с-с! — шикнула на него девочка.

Но тут же улыбнулась, скрыв лицо в тени.

* * *

Летом они изнывали от долгих часов рутинной работы по хозяйству, за которыми следовали нудные занятия в душных кабинетах. В самое пекло дети укрывались в лесу, охотясь за птичьими гнездами или купаясь в маленьком мутноватом ручье. Или часами валялись на лугу, наблюдая, как солнце клонится к закату, обсуждая, где они построят свою молочную ферму, и споря, будут у них две белые коровы или три.

Зимой князь переезжал в свой городской дом в Ос Альте, дни становились все короче и холоднее, а преподаватели все больше пренебрегали своими обязанностями, предпочитая сидеть у камина и играть в карты, попивая квас. Запертые в четырех стенах, старшие дети от скуки постоянно учиняли склоки и драки. Поэтому мальчик и девочка прятались в заброшенных комнатах поместья, разыгрывая спектакли перед мышами и пытаясь согреться.

В тот день, когда приехали экзаменаторы-гриши, дети заняли место у окна одной из пыльных спален наверху, надеясь хоть мельком посмотреть на почтовую карету. Вместо этого они увидели сани, запряженные тройкой черных лошадей, которые проезжали через белокаменные ворота поместья. В полной тишине они следили, как сани скользят по снегу к главному входу княжеского дома.

Три показавшиеся фигуры были в элегантных меховых шапках и тяжелых шерстяных кафтанах: красном, темно-синем и фиолетовом.

— Гриши! — выдохнула девочка.

— Быстрее! — крикнул мальчик.

В мгновение ока они выскользнули из своих башмаков и бесшумно пронеслись через зал, прокрались через пустой музыкальный класс и притаились за ближайшей колонной галереи, откуда отлично просматривалась гостиная, в которой Ана Куя предпочитала принимать гостей.

Та как раз разливала по чашкам кипятков из самовара, похожая на ворону в своем черном платье. Большая связка ключей позвякивала на ее талии.

— Итак, только двое в этом году? — слышался грудной женский голос.

Дети всмотрелись через балконные перила в комнату под ними. Двое гришей сидели у камина: статный мужчина в синем кафтане и утонченная женщина с надменным лицом в красном. Третьим был светловолосый юноша, который мерил шагами комнату, по-видимому, разминая ноги после долгого путешествия.

— Да, — ответила Ана Куя. — Мальчик и девочка — наши младшенькие. Мы думаем, что им около восьми.

— Думаете? — вскинул голову мужчина в синем.

— Поскольку их родители мертвы...

— Мы понимаем, — перебила женщина. — Конечно, мы большие почитатели вашего учреждения. Если бы только больше знати интересовалось судьбой простолюдинов...

— Наш князь — великий человек, — проговорила Ана Куя.

Дети на балконе переглянулись. Их покровитель, князь Керамзов, был прославленным героем войны и радетелем о благе народа. Вернувшись с фронта, он устроил в своем поместье сиротский приют и пристанище для вдов. Един-

ственное, о чем их просили, — упоминать имя князя в ночных молитвах.

— И какие они, эти дети? — спросила женщина.

— У девочки талант к рисованию. Мальчишка по большей части сидит в доме, пропадает на лугу или же бегает по лесу.

— Но какие они? — повторила незнакомка.

Ана Куя поджала пересохшие губы.

— Какие? Недисциплинированные, упрямые, слишком привязанные друг к другу. Они...

— Они слышат каждое наше слово, — перебил юноша в фиолетовом.

Мальчик и девочка подпрыгнули от неожиданности. Он смотрел прямо туда, где они укрылись. Дети кинулись за колонну, но было слишком поздно. Голос Аны Куи походил на удар хлыста:

— Алина Старкова! Мальен Оретцев! Немедленно спускайтесь!

Алина и Мал нехотя поплелись вниз по узкой спиральной лестнице в конце галереи. Когда они достигли последней ступеньки, женщина в красном встала и жестом подозвала их к себе.

— Знаете ли вы, кто мы?

Ее волосы были серыми, как сталь. Все еще красивое лицо покрывали морщины.

— Вы ведьмы! — буркнул себе под нос Мал.

— Ведьмы?! — возмутилась она и развернулась к Ане Куе. — Этому вы их учите? Суевериям и клевете?

Экономка залилась румянцем, а женщина в красном вновь повернулась к Малю и Алине. Ее темные глаза сверкнули.

— Мы не ведьмы, а практики Малой науки. Благодаря нам эта страна и это королевство находятся в безопасности.

— Как и благодаря Первой армии, — тихо вставила Ана Куя, и в ее голосе безошибочно слышались стальные нотки.

Женщина в красном застыла, но мгновенно овладела собой:

— Как и благодаря армии короля.

Юноша в фиолетовом улыбнулся и наклонился к детям.

— Когда листья меняют свой окрас, считается ли это магией? — спросил он ласково. — Или когда ваша рука заживает после пореза? А когда вы ставите кастрюлю с водой на плиту и она закипает, это тоже магия?

Мал округлил глаза и покачал головой, но Алина нахмурилась и парировала:

— Любой может вскипятить воду.

Ана Куя раздраженно вздохнула, но женщина в красном рассмеялась.

— Ты совершенно права. Это любому по плечу. Но не каждый может освоить Малую науку. Поэтому мы пришли, чтобы протестировать тебя. — Она повернулась к Ане Куе. — Оставьте нас.

— Подождите! — воскликнул Мал. — А что, если мы окажемся гришами? Что с нами будет?

Женщина в красном перевела взгляд на детей.

— Если хоть *один* из вас окажется гришом, что очень маловероятно, то это счастливое дитя отправится в специальную школу, где мы учим пользоваться своим даром.

— У вас будет лучшая одежда, лучшая еда, все, что только душе угодно, — подтвердил юноша в фиолетовом. — Как вам такое?

— Это большее, что вы можете сделать для своего короля, — вставила Ана Куя, замерев в дверном проеме.

— Совершенно верно, — миролюбиво согласилась женщина в красном.

Мальчик и девочка переглянулись. Если бы взрослые следили за ними внимательнее, они заметили бы и как дети взялись за руки, и взгляд, которым они обменялись. Князь бы узнал этот взгляд. Ведь он провел многие годы в опустошенных землях у северной границы, где деревни постоянно находились в осаде, а крестьяне продолжали бороться, почти не надеясь на помощь короля. Он видел босых, но непреклонных женщин, которые без всякого страха смотрели в лица врагам, наставлявшим на них свои пики. Князь бы легко узнал взгляд мужчины, готового защищать свой дом всего лишь с камнем в руке.

Стоя на краю дороги, кишасшей людьми, я смотрела на расстилающиеся поля и заброшенные фермы долины Тула и впервые обозревала Тенистый Каньон. Мой полк был в двух неделях ходьбы от военного лагеря в Полизной. Осеннее солнце нещадно палило, но даже в пальто меня била дрожь от вида мглы впереди, которая расплзалась темным пятном на горизонте.

Кто-то с размаху врезался плечом мне в спину. Я споткнулась и чуть не полетела лицом в грязь.

— Эй! — прокричал солдат. — Смотри, куда прешь!

— Почему бы тебе самому не смотреть внимательнее, куда ставить свои жирные ножищи? — огрызнулась я, наслаждаясь замешательством, написанным на мясистом лице мужчины.

Люди, а особенно здоровенные мужики, вооруженные до зубов, не ожидают дерзости от

такой хлюпенькой девчонки, как я. На их лицах всегда появляется удивленное выражение, когда я даю отпор.

Солдат быстро оправился от изумления и смерил меня уничижительным взглядом. Затем, поправив мешок за плечом, исчез в веренице лошадей, людей, телег и повозок, бесконечным потоком уходящей за гребень холма и вниз по долине.

Я ускорила шаг, пытаясь разглядеть в этом потоке желтый флажок повозки с топографами, который уже давно потеряла из виду, и понимая, что безнадежно отстала.

Терпкие запахи зелено-золотого осеннего леса долетали до меня по пути. Мы шли по Ви — широкой дороге, когда-то соединявшей Ос Альту с зажиточными портовыми городками на западном побережье Равки. Но так было до появления Тенистого Каньона.

Кто-то в толпе запел.

«Пение? Какой идиот будет петь, направляясь в Каньон?»

Я вновь посмотрела на пятно на горизонте и попыталась подавить дрожь. Мне доводилось видеть Тенистый Каньон на многих картах: черный разрез, отделявший Равку от единственно-го побережья и перекрывающий выход к морю. Иногда он обозначался темной меткой, иногда пустынной местностью или бесформенной тучей. Также были карты, где Тенистый Каньон выглядел как длинное узкое озеро, подписанное

другим названием — Неморе, как будто это должно успокоить и подбодрить солдат и торговцев.

Я фыркнула. Может, это и утешит каких-нибудь тупоумных торгашей, но не меня.

Я отвлеклась от зловещей мглы, нависающей вдалеке, и бросила взгляд на разрушенные фермы Тулы. Когда-то долина являлась домом для богатых помещиков Равки. Она была местом, где фермеры собирали обильные урожаи, а овцы паслись на сочных зеленых лугах. А затем идиллию нарушил черный разрез — полоса непроходимой темноты, навевающей ужас. С каждым годом она увеличивалась. Никто до сих пор не знает, куда делись фермеры, их скот, посевы и жилища.

«Перестань, — строго сказала я себе. — Ты только хуже делаешь. Люди годами пересекали Каньон... обычно с немалыми потерями, но все же».

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Никаких обмороков посреди дороги, — прошептал кто-то у моего уха и положил тяжелые руки мне на плечи. Я подняла голову и увидела знакомое лицо Мала, улыбку в его ясных голубых глазах. Он зашагал вровень со мной.

— Давай, — сказал он. — Одну ногу вперед, затем другую. Ты же знаешь, как это делается.

— Это противоречит моему плану.

— Неужели?

— Да. Потерять сознание, чтобы меня затоптали, и, таким образом, получить серьезные травмы.